

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОХОТНИЧИЙ ЖУРНАЛ

ОХОТА

№ 10 (43)
2011

ПРАЗДНИК
НАСТОЯЩИХ
МУЖЧИН

«ПРОХОДИМЦЫ»
ИЗ ЯПОНИИ

СТРЕЛКОВАЯ
АКАДЕМИЯ

АЛЬПИЙСКОЕ
ИЗОБИЛИЕ

www.journalhunt.com

ISSN 1994-8298

9 771994 829007

ОТВАЖНЫЙ БАРСУК

С небольшими сокращениями мы публикуем статью ученых из США и Швеции о роли охоты в поддержании связи общества с природой. Первоначально она была опубликована в прошлом году в издающемся в Португалии международном журнале «Прикладная биология диких животных» (**Wildlife Biology in Practice**). Внимательный читатель может помнить, что мы уже неоднократно ссылались на это издание. В нем были впервые широко опубликованы (журнал находится в свободном интернет-доступе) разработки австрийских ученых об измерении устойчивости охотпользования, передовой канадский опыт применения GPS-устройств для учета диких животных и фиксации их столкновений с транспортными средствами, другие интересные материалы.

Технический редактор журнала Луис Эдуардо Консейсо (Luis E. Conceição) свое письмо о согласии на русскоязычную публикацию закончил следующими словами: «Мы – рецензируемый “открытый журнал”, и наша главная цель – способствовать легкому повсеместному доступу к научным знаниям. Поэтому мы, как и давшие свое согласие авторы, однозначно одобряем публикацию статьи в вашем журнале».

Нилс
ПЕТЕРСОН,

Ханс
ХАНСЕН,

Маркус
ПЕТЕРСОН,

Тарла
ПЕТЕРСОН

КАК ОХОТА УКРЕПЛЯЕТ ОСОЗНАНИЕ ОБЩЕСТВОМ СВЯЗИ ЧЕЛОВЕКА С ПРИРОДОЙ?

ВВЕДЕНИЕ

Нарастающее отдаление людей от природы – возможно, самый фундаментальный вызов устойчивому развитию. Люди, выделившись из природы, стремятся управлять ею. Капитализм – одна из важнейших систем организации товарного производства в современную эру – базируется на отчуждении рабочих от продукта их собственного труда. Мы съедаем свой завтрак, не вспоминая о бесчисленных людях, участвовавших в его производстве. По мере того, как материальность продовольствия становится все менее ощутимой, исчезает и связь с естественными, природными процессами, такими как жизнь и смерть.

Процесс изоляции обществом от природы за прошлые несколько десятилетий усилился благодаря урбанизации, технологиям и коммерциализации природы, превращению ее в товар (товаризации). Урбанизация обуславливает физическую удаленность людей от материальных природных источников их хлеба насущного. Технология предоставляет искусственные заменители материальных и социальных отношений, ранее обуславливаемых природой. Наконец, в конце 20-го столетия волна приватизации и коммерциализации всего подряд, от земли до идей, сделала социальные и материальные отношения, связанные с производством продовольствия, в значительной степени невидимыми.

СОЦИАЛЬНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

В ходе социальных, культурных и материальных преобразований общества, приведших его к современному состоянию, природа постепенно стала простым предметом, объектом и отделилась от человечества. Институциональные преобразования, индустриализация, научная и технологическая революция, а также нелиберальные экономические системы сформировали представление об измеримой и управляемой

природе. Согласно Марксу, производство в рамках капиталистической системы маскирует все социальные отношения и представляет их как отношения между материальными вещами. Маркс называет этот феномен товарным фетишизмом.

Поэтому пища, воспринимаемая нами как реальность, – это то, что волшебным образом оказывается перед нами: ароматное, яркое, питательное и – лишенное связи с трудом.

Охота предоставляет возможность связать современных людей с природными системами через питание, и она представляет собой глобальное явление, к которому почти каждая человеческая культура может проследить свои корни.

Хотя в течение последних лет XX века доля охотничьего населения во многих странах снизилась, охота остается широко распространенной деятельностью во многих индустриальных и постиндустриальных регионах мира; занятие охотой оказалось более стабильным, чем многие другие формы рекреации, связанные с природой.

Исследования социальных аспектов охоты обычно рассматривают ее как совокупность методов, включающую: 1) поиск дичи; 2) умерщвление дичи; 3) обработку и потребление дичи. Хотя многие охотники испытывают острый интерес к политическим, юридическим и технологическим сторонам их призвания, этот интерес не столь фундаментален, как первые три, которым и посвящено это эссе.

Эксплуатация природы и сельскохозяйственного труда широко критиковались в трудах по социологии сельского хозяйства. Некоторые ученые отыскивают способы приобщить потребителей к деталям производства пищи, изучая и описывая разнообразные производственные усилия, стоящие за продовольственными товарами. Другие исследуют то, как символическое значение пищи проявляется в ее потреблении. Исследования первой группы основаны на критическом анализе политэкономики Маркса, второй – на теории ритуала Дюркгейма.

От Маркса мы берем утверждение, что одна из проблем капитализма состоит в признании ценности за товарами, независимо от затрат на их производство человеческого труда и сырья. От Дюркгейма мы берем понятие тотемизма, или склонности общества придавать сакральность некоторым объектам и затем использовать эти тотемы для наполнения социальным смыслом других объектов (часто – предметов потребления). Наиболее важна для нашего анализа идея, согласно которой тотемическое значение часто формирует глубокое социальное единство, одновременно создавая ощущение связи между социальной группой и теми объектами, которые стали тотемами.

Охота стоит перед той же самой угрозой неолиберального захвата, что и другие социальные действия. Острые дебаты, например, относительно того, можно ли считать приватизированных диких животных на самом деле дикими, отражают столкновение между досовременной культурой, тесно связанной с природой, и современной культурой, нацеленной на приватизацию и товаризацию.

И в Северной Америке, и в Западной Европе дикие животные в целом воспринимаются как публичное благо, находящееся в доверительном управлении соответствующего правительства. Менеджмент и регулирование охоты и на государственных, и на частных землях осуществляется правительствами.

Охота на различные виды дичи (исключая перелетных птиц) регулируется в Канаде и США на уровне провинций, штатов, территорий, а не на национальном уровне. В регионах США и Канады с преобладанием публичных (государственных и муниципальных) земель охотничьи возможности широко доступны и относительно недороги для местных жителей, и они могут быть приобретены приезжими за дополнительную плату. Однако в регионах США с преобладанием частных земель люди, как правило, должны предварительно заплатить владельцам за доступ (или за охотничью аренду).

В северных европейских странах, включая Швецию, Норвегию и Финляндию, свобода странствия [freedom to roam], или «право каждого», означает публичное право пешего путешествия, разбивки лагеря, сбора ягод и наблюдения диких животных на частных землях. Это, обычно, включает и ограниченное право охоты на мелкую дичь. Охота на крупную дичь и на государственных землях, и на частных регулируется различными правилами, устанавливаемыми и частными лицами, и общинами. Охота в остальной Европе больше похожа на таковую в американских штатах с преобладанием частных земель, где самые существенные затраты для охотников – плата, вносимая частным землевладельцам.

ОХОТА КАК СВЯЗУЮЩЕЕ ЗВЕНО МЕЖДУ ОБЩЕСТВОМ И ПРИРОДОЙ

Поиск

Поиск дичи традиционно включает обследование местообитаний для обнаружения следов жизнедеятельности животных, предпочитаемых ими биотопов. Благодаря этому, охотники получают большой объем экологических знаний о соответствующих экосистемах. Поиск – наиболее трудоемкая часть охоты; многие охоты не заканчиваются добычей животного, последующей обработкой и употреблением дичи. Например, только около 25% охотников на оленей в США добывают хотя бы одного зверя в год. Опыт охотника отличается от опыта тех, кто занимается другой природной рекреацией, вроде наблюдений за птицами. Обнаружение и каталогизация видов для охотника – не окончательная цель. Для него обнаружение животного – только первый шаг в процессе, потенциально включающем умерщвление животного и его преобразование в пищу. Охотники ищут дичь без гарантии ее добычи. Они и те, с кем они надеются разделить эту добычу, отказываются от надежности похода в гастроном.

Тотемическое значение охотничьего поиска вращается вокруг обеспечения продовольствием и прочно укоренено в природных системах. Охотник взаимодействует с природой непосредственно, лично. Это тотемическое значение восходит к иудейско-христианскому мифу об Эдеме, где Адаму и Еве было велено добывать себе пищу в поте лица. Охотничьи истории изобилуют рассказами о перенесении тягот, эпических странствиях, попытках перехитрить дичь, об опасных гризлях и о завершении изнурительной охоты выносом на спине полуцентнера мяса лося из глубокого каньона. Эти рассказы образуют мифическую систему, очевидно корящуюся в природных системах. Мы, люди, конкурируем с другими видами за продовольствие или за место под пашню и боремся против природы, чтобы прокормиться. По существу, охотничий поиск воплощает сопротивление энтропии – мы должны работать, чтобы остаться организованными, сытыми и живыми.

Конфликт между досовременными аспектами охоты и современным миром, в котором живут сейчас охотники, может найти свое разрешение в том, что охотничий поиск будет гораздо менее привязан к природным условиям, чем прежде. Технология облегчила поиск дичи. Вездеходы доставляют охотника быстрее и дальше, чем ноги или лошадь; радар может отследить перемещения и стоянки водоплавающей птицы. Различные нормативные и административные меры обеспечивают общественный контроль над охотой.

Социальный контроль в форме запрета охоты может через петлю обратной связи пагубно уменьшить поисковые охотничьи усилия. Такие запрещения часто приводят к чрезмерному изобилию некоторых видов диких животных, сопровождающемуся повышенными угрозами имуществу или даже безопасности человека. Прежде высоко ценимые животные начинают рассматриваться как вредители, получают ярлык «избыточных». Если впоследствии для снижения плотности таких животных открывается пригородная охота, знание того, где и как животные взаимодействуют с экосистемами, становится менее необходимым; охотники просто убирают привычных к людям животных там, где они причиняют беспокойство (например, поля для гольфа, сады, кладбища).

Товаризация диких животных или доступа к охотничьим угольям влечет за собой каскад событий, уменьшающих связь с природными системами. Охота в течение многих столетий была привилегией европейской аристократии и королевских семейств, но к 1960-у стала предметом обычной коммерческой деятельности, подобно фасованному товару. Многочисленные коммерческие предприятия теперь выращивают в оградах (или покупают на фермах) куропаток, фазанов, водоплавающих, оленей и другую дичь, а затем выпускают их под выстрел. Частные землевладельцы, агентства и даже образовательные учреждения используют эту охотничью версию метода «выпусти-и-добудь». Такой метод резко сокращает поисковые усилия охотников. Возможно, сам факт, что дичь произведена на ферме подобно сельскохозяйственным животным, будет скрыт от охотника. В других случаях охотники могут быть клиентами, которые платят за место на вышке, под которой дичь гарантированно появляется в определенное время, устремляясь к автокормушкам, снабженным таймером выдачи корма. Некоторые потребители охоты платят за гидов, которые уже выполнили основную часть поисковой работы.

Товаризация также влияет на тотемическую ценность поиска дичи. В качестве товара охота была модифицирована, с тем чтобы приносить больше прибыли производителю. Самый ценный охотничий товар – трофейная охота. При этом символическое значение поиска становится аналогичным выходу атлета на площадку и теряет связь с природной системой. Цели вроде регистрации в книге Бун-и-Крокетт клуба или завершения «Большого шлема» ослабляют тотемическое значение обнаружения и добывания пищи в природной системе.

Умерщвление

Независимо от того, выступает ли умерщвление животных первичной целью, его возможность отличает охоту (и рыбалку) от других форм загородной рекреации. Символы, используемые охотниками, подтверждают, что умерщвление – действительно важный компонент охоты. Центральная роль умерщвления – воплощение отнятия жизни у животного и преобразования его в пищу.

Технология создает определенную дистанцию между охотником и дичью. Современная винтовка с оптическим прицелом, например, позволяет квалифицированному стрелку надежно взять оленя, стоящего на открытом месте, на расстоянии нескольких сотен метров. Хотя современная технология делает добывание менее связанным с природными системами, умерщвление остается как торжественное напоминание – пищей стало то, что было живой частью экосистемы. Охотничья литература полна историй, описывающих охотников, желающих вернуться к примитивному оружию, чтобы умерщвление было более интимным, контактным, сокровенным. Охотничий гид из Швеции, например, рекламировал поездку в Техас, поскольку там разрешается охотиться на дикого кабана с ножом; средством справиться с быстрым ростом популяции кабана в Швеции выдвигается разрешение охоты на него с собаками и холодным оружием. По его мнению, личный риск тесного контакта с умерщвляемым животным погружает его в природу способом, которого он лишился из-за продвинутых технологий.

Запреты охоты могут и усиливать, и ослаблять проявления связи между человеческими и природными системами, скрывая или выдвигая на первый план умерщвление диких животных. Социальные протесты, обычно связанные с запретом конкретного метода охоты, их освещение в печати делают смерть более видимой обществу. Часто чрезмерное изобилие животных, ранее добываемых охотниками, приводит к полити-

чекским решениям об использовании современных технологий для управления численностью, включая стерилизацию, контрацепцию и летальные воздействия, используя методы типа высокоточной дальней стрельбы (sharpshooting) или отравления газами. В некоторых пригородных районах в США, например, органы власти организовали снайперов для умерщвления вредящих белохвостых оленей в ночное время из винтовок с глушителями. Туши загружали в машины и раздвигали в другом месте, следы умерщвления замывали. В то время как снайперские программы были довольно успешны в сокрытии умерщвления, отравление газом чрезмерного поголовья гусей производило противоположный эффект. В Нидерландах и США комбинация запретов охоты и агротехнических методов привела к огромному изобилию гусей. Поскольку охота не была признана социально приемлемой альтернативой, особенно в густо населенных районах, официальные лица решили использовать отлов линных гусей сетями с последующей эвтаназией (обычно – отравление газами). Такие программы были расширены после того, как гуси «сбили» гражданский авиарейс – самолет был вынужден приводниться в реке Гудзон. В Нидерландах молодняк гусей был изолирован от сельскохозяйственных угодий сетевыми ограждениями, что ввергло птиц в голод. В Бельгии и в США широко используют отравление газами и порчу яиц.

Охотников, хорошо знающих связь между умерщвлением и обеспечением пищей, учат скрывать эту связь от публики. Понятная реакция на современное отвращение к смерти и на расширение социального контроля над охотой состоит в том, чтобы скрывать умерщвление. Фактически, курсы подготовки ориентируют охотников на сокрытие от публики любых следов смерти. Охотничье руководство штата Северная Каролина советует охотникам при возвращении с охоты убрать дичь из вида. То же рекомендует и руководство для инструкторов охотничьих курсов штата Техас.

Товаризация умерщвления угрожает дальнейшим снижением способности охоты связать современное общество с производством продовольствия. Охотничьи предприятия, где фазаны, куропатки, утки выращены и затем выпущены в угодья для умерщвления, могут запутать отношения между обществом и его продовольствием больше, чем обычные коммерческие животноводческие производства, поскольку система «выпусти-и-добудь» представляет продукт производства в качестве диких животных. В коммерческих предприятиях помощники охотника часто облагораживают смерть дичи. После фотографирования охотник

передает тушу оплаченным работникам. Иногда охотник не видит добытое животное, пока оно не приобретает вид замороженных пакетов мяса. В других случаях стоимость выстрела по животному отделена от цены мяса и мясо используется или продается гидом. При таких обстоятельствах товарный фетишизм проявляется как трофейная охота, где охотники собирают урожай трофеев, а не продовольствия. Столетие назад трофейная охота была в значительной степени хобби богатых и влиятельных. Сейчас множество отнюдь не таких уж богатых охотников считают целью охоты трофеи и на них сориентированы многочисленные коммерческие предприятия. Поскольку коммерческий успех охотничьего предприятия базируется на способности поставить изделие, фокус сдвигается с процесса охоты на продукт охоты, что уводит внимание от связей между человеческими и естественными системами. Продолжающиеся дебаты в охотничьих сообществах, вроде того, заслуживает ли призов трофей, добытый в вольере, указывают на остроту вопроса о товаризации охоты.

Для большинства охотников тотемическое значение умерщвления связывается одновременно с вхождением их и в досовременное состояние профессиональных охотников и в природные системы в качестве главных хищников. Охотничья литература описывает охотников как людей, погруженных в естественное бытие, в существование по его правилам, где каждая жизнь сохраняется за счет других жизней и где боль правит миром. Хотя эта символика может быть неприятна, а иногда даже ужасна, она прочно встроена в материальные условия природных систем; животные выживают, потребляя другие организмы. Распространяющееся тотемическое значение охоты как погружения через умерщвление в природные системы основывается на аргументах, что «естественность» не обязательно этична, если она ведет к формированию мужественности и, затем, к гендерному доминированию и эксплуатации животных. Тот факт, что быть естественным – не означает действовать этично, не подвергает, однако, сомнению способность охоты формировать тотемическое значение пищи, добываемой в природных системах.

Обработка и потребление

Естественные системы продолжают свое существование на кончиках пальцев охотников, обрабатывающих дичь. Обычно охотники потрошат дичь в угодьях сразу после ее добычи. Многие европейские и северо-

5–8 апреля 2012 года
г. Красноярск

МИР СПОРТА ОХОТА. РЫБАЛКА ВЫСТАВКА–ЯРМАРКА

 <p>СПОРТИВНОЕ СНАРЯЖЕНИЕ, ИНВЕНТАРЬ, ФОРМА И АКСЕССУАРЫ</p>	 <p>МАЛАЯ АВИАЦИЯ</p>	 <p>ТЕХНИКА ДЛЯ АКТИВНОГО ОТДЫХА</p>	 <p>ВОДНАЯ ТЕХНИКА (ЛОДКИ, КАТЕРА, ГИДРОЦИКЛЫ)</p>
 <p>ТРОФЕИ</p>	 <p>ОХОТНИЧЬЕ И РЫБОЛОВНОЕ СНАРЯЖЕНИЕ</p>		

ОРГАНИЗАТОР — ВК «КРАСНОЯРСКАЯ ЯРМАРКА»

ОФИЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА:

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА:

американские охотники все еще упаковывают и замораживают мясо для последующего употребления.

Тотемическое значение обработки и потребления диких охотничьих животных формирует социальные связи, в которых охотники – поставщики продовольствия. В речи по случаю открытия центра исследований лося Л.П. Брекк, министр сельского хозяйства и продовольствия Норвегии, отметил чрезвычайную важность поддержания благополучия популяций лося, поскольку охота на него оживляет сельские общины и позволяет людям участвовать непосредственно в производстве пищи; и то, и другое все более редко в современном обществе. Всюду в Западной Европе и Северной Америке оленина, куропатки, утки, гуси, индейки и другая битая дичь – предмет гордости охотников; ею угощают особых гостей. Эта пища позволяет охотникам и неохотникам восстановить связи с природой через одновременные ощущения вкуса, запаха и осязания.

Социальные и политические тенденции, отмеченные выше, ограничивают, однако, возможности для укрепления связей между социальными и естественными системами через обработку и потребление дичи. Запреты охоты прямо и косвенно ограничивают эти возможности. Косвенные ограничения имеют место, когда охотников просят смягчить вредящую деятельность животных, усиливающуюся после запрета охоты. В этих случаях животные, которые раньше были ценным призом и потенциальной пищей, становятся мусором. Если охотники не способны существенно уменьшить численность, в дело вступают специалисты по контролю над вредителями, и туши животных присоединяются к прочим отходам, направляемым на свалку. Интенсивная регуляционная охота в целях сокращения обилия вредящих животных может делать природные системы более зримыми для общества, если олени, убитые официально уполномоченными стрелками, передаются в продовольственные фонды с широким освещением в средствах массовой информации. В большинстве случаев, однако, этого не происходит. Государства Северной Америки и Западной Европы установили жесткие санитарные требования к безопасности продовольствия. Из-за трудности взаимодействия с соответствующей бюрократией большинство охотничьих животных, отстрелянных по поручению правительства, просто закапываются на свалках или, реже, помещаются в компостные ямы.

Точно так же использование нелетальных методов управления обилием дичи (например, химической стерилизации и контрацепции) ограничивает способность охотников помочь обществу поддерживать связи с природой и неявным способом делает недоступным общественному потреблению то, что было бы здоровой, высокопротеиновой пищей. До 2006 г. в США оборот препаратов, используемых для химической стерилизации и контрацепции свободноживущих диких животных, регламентировало ведомство по продовольствию и лекарственным веществам. Теперь эти препараты находятся в ведении Агентства по защите окружающей среды, которое регулирует их применение в соответствии с федеральным законом о средствах борьбы с насекомыми, грибами и грызунами. Эта передача полномочий демонстрирует, как охотничьи животные (например, белохвостые олени) могут из потенциальных источников продовольствия стать вредителями.

Коммерциализация обработки продукции охоты может существенно уменьшить способность охоты поддерживать связи между человеческими и природными системами. Во многих коммерческих охотхозяйствах служащие потрошат животных и доставляют туши с места добычи к месту обработки. Кроме того, не редкость, когда туша возвращается охотникам уже колбасой, в которой домашней свинины столько же, сколько и оленины. Коммерциализация представляет угрозу даже там, где признается культурная важность охоты. В представлении упоминавшегося министра Брекка, ценность охоты сводилась к экономике. От превознесения культурной важности охоты на лося он сразу перешел к обсуждению того, как капитализировать охоту увеличением продаж связанных с охотой товаров. Коммерциализация, связанная с трофеями, когда трофей, а не продовольствие, становится тотемом, также ослабляет потенциал охоты в поддержании связей человека и природы. Фотографии в современных периодических изданиях охоты часто демонстрируют суровых камуфлированных мужчин, которые тащат на спинах не четвертины туш, а огромные рога. Точно так же тексты инструктируют охотников не относительно разделки туш и упаковки мяса, а об оформлении трофея.

* Имеется в виду программный документ Объединения северных охотников (Nordic Hunter's Cooperation) – «Северная охота: Защита природы и диких животных для будущих поколений». Он публикуется в этом же номере нашего журнала. Примечание С.П.Матвейчука.

ОБСУЖДЕНИЕ

Охота через поиск, умерщвление, обработку и потребление диких животных связывает людей с природными процессами и объектами. Однако, как и другие культурные практики, охота остается восприимчивой к современной тенденции считать людей особыми, верховенствующими, управляющими существами. Важнейшие модернистские вторжения в охотничью культуру проявляются в форме технологии, общественного контроля и товаризации. Реализация общественно-природного потенциала охоты в значительной степени зависит от способности охотничьей культуры балансировать на грани современности и предсовременности.

Современное общество требует скрывать от него смерть. Один из самых важных и недооцененных вкладов охоты – разоблачение этого лицемерия. Люди не должны игнорировать тот факт, что жизнь для своего увековечивания использует смерть. Кроме того, хотя охотники не могут совершенно отклонить технологии, управление и товаризацию, они должны изо всех сил стараться не потерять древнее наследие охоты. Мы видим здесь несомненную политическую проблему.

Первая политическая задача охотничьей культуры – признание и упрочение охоты как существенного фактора устойчивости с выдвиганием на первый план ее роли в производстве местных дичных продуктов питания. Испытывая давление влиятельной и шумной оппозиции охоте, в Северной Европе, например, охотничьи ассоциации Швеции, Норвегии, Финляндии, Дании и Исландии закрепили совместное общественно-этическое понимание охоты в документе, адресованном прежде всего межгосударственным политическим учреждениям Европы*. Документ определяет скандинавскую охотничью культуру как деятельность, доступную для каждого.

Современная охота – возможно, самая устойчивая форма продовольственного обеспечения в истории человечества. Охота фактически может быть более «свободной от жестокости» (cruelty free), чем производственное сельское хозяйство, где один проход (а обычно многократные проходы) сельскохозяйственных машин по полю убивает больше животных (например, полевых мышей, наземно-гнездящихся птиц) на грамм растительного белка, чем охота. Кроме того, все формы сельского хозяйства (включая органические и устойчивые варианты) убивают некоторых диких животных косвенно, занимая земли, которые могли бы служить средой обитания этим животным.

Несмотря на свои положительные ассоциации с сохранением природы, культурный вклад охоты может быть еще более ценным. Охота предлагает реалистичные способы выдвинуть на первый план родство людей и иных живых существ, связывая современное общество с природными системами. Благодаря участию в практике поиска, умерщвления, переработки и потребления охотники дают обществу возможность вспомнить о сложной взаимной зависимости рода людского и других живых созданий.

Источник:

Peterson M.N., Hansen H.P., Peterson M.J., Peterson T.R. 2010. *How Hunting Strengthens Social Awareness of Coupled Human-Natural Systems // Wildlife Biology in Practice. Volume 6. Issue 2. Pp. 127-143.*

Сведения об авторах

М.Н. Петерсон – старший преподаватель факультета лесоводства и ресурсов окружающей среды Университета штата Северная Каролина (автор, ведущий переписку; nils.peterson@ncsu.edu).

Х.П. Хансен – научный ассистент факультета городского и сельского развития Шведского Университета сельскохозяйственных наук (hans.hansen@slu.se).

М.Д. Петерсон – адъюнкт-профессор факультета наук о дикой природе и рыболовстве Университета штата Техас (Texas A&M University; mjpeterson@ag.tamu.edu).

Т.П. Петерсон – преподает в тех же Техасском и Шведском университетах (tarlarai@gmail.com).

Реквизиты издания и публикации

Журнал «Wildlife Biology in Practice»:

<http://socpvs.org/journals/index.php/wbp/home>.

Интернет-адрес статьи: <http://socpvs.org/journals/index.php/wbp/article/view/10.2461-wbp.2010.6.10>. DOI:10.2461/wbp.2010.6.10.

Перевел С.П.Матвейчук